

Стоило Чэнь Юньцину прикоснуться к Цзинь Линьэру, как колокольчик, слышащий демонов, на его запястье зазвонил вновь. Юноша пристально взгляделся в мальчика, твердо уверенный в том, что перед ним обычный человеческий ребенок.

«Неужели колокольчик сломался?» — озадаченно подумал он.

Цзинь Линьэр выглядел жалко, но был напряжен как натянутая тетива. Он настороженно опустил голову, пытаясь зарыться лицом в меховой воротник, лишь бы Чэнь Юньцин не разглядел его как следует. Из-под меха на незнакомца сердито уставились лишь круглые, угольно-черные и удивительно ясные детские глаза.

Впрочем, его миловидное личико никого не могло испугать. Напускная свирепость лишь делала его похожим на обиженного щенка — взъерошенного и вызывающего жалость.

— Не бойся, я не из Альянса боевых искусств, ловить тебя не стану, — мягко произнес Чэнь Юньцин, пытаясь успокоить ребенка.

Затем его взгляд скользнул к меховому воротнику на шее мальчика, и в голове юноши промелькнула догадка.

— Откуда у тебя этот лисий хвост?

Воротник Цзинь Линьэра и впрямь был сшит из роскошного лисьего хвоста — густого, лоснящегося, превосходного качества. Однако окрас его казался странным: по белоснежному меху пробегали отчетливые огненные подпалины. Мальчик еще долго хмурился, разглядывая Чэнь Юньцина, но, решив, что этот человек не замышляет дурного, стянул воротник и протянул ему.

— Матушка говорила, они с отцом когда-то вместе одолели лисицу-оборотня, и это... — Малыш наморщил лоб, вспоминая, а затем хлопнул себя ладонью по затылку. — Вспомнил! Это хвост Ся Цинцин!

— Ся Цинцин? Наверное, ты имеешь в виду Ся Цинжоу, — покачал головой Чэнь Юньцин. — Вот оно что... Неудивительно, что мой колокольчик зазвонил, когда я впервые увидел тебя. Выходит, Правый защитник вашего Культа Золотого света, Ся Цинжоу, на самом деле — лисица-оборотень. Она творила бесчинства под вашим именем, из-за чего на ваш культ и легло клеймо Дьявольского культа.

Мальчик тут же ошетинился.

— Я не дьяволёнок!

— Да не бойся ты, — примирительно улыбнулся Чэнь Юньцин. — Наш Цзияосы охотится только

за нечистью, в дела цзянху мы не вмешиваемся.

— И ты меня не схватишь? — недоверчиво прищурился Цзинь Линьэр.

— Моя задача — выследить лисицу-оборотня, пробравшуюся через разлом на Границе Белого моря, — пояснил Чэнь Юньцин. — Кстати говоря, я ведь по доброте душевной одолжил тебе коня, а ты мало того что спасибо не сказал, так еще и угнал его невесть куда. Если бы не поиски бедного скакуна, стал бы я посреди ночи плутать по этим глухим дебрям?

Мальчик смущенно покраснел.

— Прости...

— Ладно, пустяки. Мой конь смысленный, сам дорогу найдет, — махнул рукой Чэнь Юньцин. — Людей из Альянса боевых искусств ты знатно провел: они пошли на запад, отслеживая отпечатки копыт и кровавый след. Мы с шисюном повели отряд на восток. Завтра, когда встретимся с ними, я скажу, что в этих краях никого нет.

Цзинь Линьэр посмотрел на него с сомнением.

— Мы ведь едва знакомы... Зачем тебе помогать мне?

Чэнь Юньцин вздохнул.

— Сегодня на горе Цинмин я не увидел кровожадных дьяволов, равно как и благородных праведников, защищающих слабых. Зато я видел, как глава культа Чжао Шо, не зная страха, пожертвовал собой ради твоего спасения. Это поступок человека чести. А тот мечник, что пробивался сквозь плотное кольцо врагов ради тебя, — настоящий герой, равных которому нет. Я не привык верить чужим слухам и доверяю лишь собственным глазам. К тому же... мне бы очень не хотелось, чтобы ты рос с мыслью, будто в этом мире остались одни подлецы.

— Спасибо тебе, гэгэ! — горячо воскликнул Цзинь Линьэр. — Твою доброту я не забуду, даже когда состарюсь и растеряю все зубы!

Он неловко почесал затылок, отчего золотые бубенцы у него за спиной залиvistо зазвенели.

— Защитник Сунь ранен и лежит без чувств... Могу я попросить тебя еще об одной услуге?

Не успел мальчик договорить, как в его животе громко и раскатисто заурчало.

Чэнь Юньцин не сдержал улыбки. Стало ясно, что малыш просто проголодался и надеется

раздобыть хоть какой-то еды.

— Ну, это дело поправимое. Жди здесь, — Чэнь Юньцин протянул правую руку в сторону густых зарослей травы и сделал хватательное движение.

Спустя мгновение в траве послышался шорох.

Пока Цзинь Линьэр недоумевал, из зарослей прямо в воздух взмыла бьющаяся лисица. Словно скованная невидимыми путами или удерживаемая призрачной ладонью, она медленно поплыла по воздуху к Чэнь Юньцину.

Чэнь Юньцин перехватил зверя за загривок, ловким ударом лишил чувств и протянул мальчику. Забрав взамен лисий воротник, он взвесил его в руке и улыбнулся.

— Вот и славно. Обменяю эту лисицу на твой воротник — будет что показать отцу по возвращении. Мой шисюн скоро вернется, так что прячься скорее.

Цзинь Линьэр, прижимая к груди обмякшую лисицу и тяжелый меч, во все глаза уставился на юношу.

— Ты... неужели ты бессмертный небожитель?

— Да какие там небожители, — рассмеялся Чэнь Юньцин. — Простые трюки, не стоящие упоминания.

— И все равно это невероятно! Если ты решишь заявить о себе в цзянху, кто вообще сможет с тобой сравниться?

Чэнь Юньцин ласково потрепал мальчика по макушке, затем присел перед ним и серьезно посмотрел в глаза.

— Отец всегда твердил мне: чем больше сила, тем выше ответственность. Мое искусство предназначено для охоты на демонов и защиты простых людей. Разве можно использовать его ради власти и угнетения слабых? Запомни эти слова, малыш. Не повторяй ошибок тех, кто сошел с праведного пути.

Охота на демонов, Куньлунь, защита людей... Слова Чэнь Юньцина были слишком сложны для детского разума. Но главное Цзинь Линьэр усвоил твердо: даже если ты обретишь непревзойденное мастерство, нельзя обижать невинных и кичиться силой.

Мальчик изо всех сил закивал.

— Я запомню!

Сказав это, он поспешил укрыться за раскидистым стволом абрикосового дерева.

Вскоре к Чэнь Юньцину вернулись спутники. Юноша без труда заговорил им зубы, и отряд, забрав лисий хвост, с легким сердцем двинулся дальше.

Когда Цзинь Линьэр вернулся в заброшенную хижину, ночь уже перевалила за половину.

Холодный лунный свет лился сквозь узкое оконце, укутывая лежащего Сунь Цинфэна бледным серебристым саваном. Мужчина по-прежнему пребывал в забытии, но его тело содрогалось от судорог. Он успел сбросить тяжелое ватное одеяло вместе с наваленной сверху одеждой, обнажив крепкую, мускулистую грудь.

При свете луны мальчик с ужасом заметил, что грудная клетка Сунь Цинфэна неестественно раздулась. Под кожей словно билось нечто темное и злое — оно яростно рвалось наружу, сию же минуту разорвать плоть.

«Защитник Сунь, умоляю, держись!»

Опустившись на колени рядом с раненым, он крепко сжал в одной руке притихшую лисицу, а в другой — тяжелый меч. Настало время пролить кровь зверя, чтобы продолжить совершенствование.

Но меч Сунь Цинфэна был слишком длинным и массивным для детской ладони. Поняв, что удержать его за рукоять не получится, Цзинь Линьэр решительно перехватил голое лезвие. Игнорируя острую боль в разрезанной ладони, он зажмурился, мысленно попросил у неба прощения и с силой полоснул сталью по лисьему горлу.

Брызнула горячая кровь, наполнив сырую комнату удушливым запахом тепла и железа. Зверь лишь слабо дернулся и затих.

Цзинь Линьэру было невыносимо жаль животное, но иного выбора не оставалось. Склонившись над тушкой, он приник губами к ране на шее и принялся жадно пить обжигающую кровь. От резкого привкуса меди и дикого запаха его едва не вывернуло наизнанку. С трудом подавляя подкатывающую к горлу тошноту, мальчик глотал густую, соленую жидкость, а по его щекам катились беззвучные слезы.

Этот день стал самым длинным и страшным за все двенадцать лет его жизни. Стоило закрыть глаза, как перед мысленным взором возникал образ отца — каждое его движение, каждое слово врезались в память навечно. Но горевать было некогда. Изгнав из головы лишние мысли,

Цзинь Линьэр сосредоточился, восстановил в памяти наставления к Божественному искусству Золотого облика, которым отец обучил его лишь сегодня утром, и принял позу созерцания.

По мере того как теплая кровь усваивалась организмом, золотая отметина в форме двух цветочных лепестков на лбу мальчика затеплилась мягким сиянием. Тело Сунь Цинфэна тут же откликнулось на этот свет: под его мертвенно-бледной кожей проступили тонкие нити золотой ци, устремившиеся по меридианам к самому сердцу.

Вскоре судороги утихли, и дыхание раненого выровнялось.

На следующий день, ближе к полудню, Сунь Цинфэн наконец очнулся от тяжелого забытья.

Он открыл глаза. В голове стоял мутный туман, мысли путались, словно после тяжелого похмелья. Не понимая, как очутился в этой убогой хижине, он решил было, что все еще спит, и попытался перевернуться на другой бок, но вдруг осознал, что под боком у него сопит кто-то живой.

Годами избегавший чужого общества, Сунь Цинфэн пришел в ужас от мысли, что провел всю ночь в чьих-то объятиях. Кожу обсыпало колючим жаром, мышцы сковала судорога. Досада и злость волной поднялись в груди. Ткнув пальцем в мягкий бок спящего мальчишки, он процедил сквозь зубы:

— А ну брысь от меня! Живо вставай!

Но вконец измученный Цзинь Линьэр спал без задних ног. Вместо того чтобы проснуться, он лишь крепче обхватил руку Сунь Цинфэна, потерся щекой о его плечо и сладко замурлыкал сквозь сон:

— Защитник Сунь... не оставляй меня...

Сунь Цинфэн взвился, как ошпаренный кот. Одним пинком он отшвырнул мальчишку прочь и рывкнул на всю избу:

— Какого черта ты разлегся на полу, когда рядом кровать?!

Малыш, будучи совсем крохотным, покатился по земляному полу и затих у самого порога.

Только тут до Сунь Цинфэна дошло, что он натворил. Он спешно подполз к ребенку, уложил его обратно на тряпье и замер: лицо и одежда мальчика были густо измазаны багровой кровью. Решив, что покалечил сироту своим пинком, мечник похолодел от ужаса. Схватившись за голову, он закричал в панике:

— Эй! Слышишь?! Очнись, твою матушку!

Цзинь Линьэр лишь причмокнул губами и даже не пошевелился.

Окончательно потеряв голову от страха, Сунь Цинфэн выскочил во двор, одним махом взлетел на крышу хижины и уселся там под ледяными порывами ветра. Лишь когда его ресницы покрылись колкой изморосью, к нему вернулась способность соображать. Он ведь связан с этим паршивцем одной судьбой! Коли сам жив-здоров, то и с мальчишкой ничего непоправимого не случилось.

«Ну и влип же я... Проклятье!»

Спрыгнув вниз, он вернулся в комнату и дрожащими руками перевернул ребенка на спину. Вглядевшись, он понял, что кровь на лице мальчика давно высохла и потемнела — значит, испачкался он еще ночью. Тут же взгляд Сунь Цинфэна упал на угол под кроватью, откуда на него стеклянными глазами пялилась дохлая лисица.

Выругавшись, он пинком отправил тушку зверя в дальний угол, опустился перед спящим на колени и осторожно прикоснулся к его запястью. Пульс у Цзинь Линьэра был ровным и сильным. Мечник облегченно перевел дух.

Помня о прошлых вспышках собственной ярости, он постарался умерить нрав. Стараясь не тревожить ребенка лишней раз, он лишь склонился к самому его уху и негромко позвал:

— Эй, дьяволёнок?

Мальчик наморщил носик и сонно забормотал:

— Я не дьяволёнок... И человеческую кровь я не пью...

Убедившись, что все в порядке, Сунь Цинфэн отыскал в сундуке старые одежды Чжао Шо, наскоро натянул их на себя и принялся наводить в хижине порядок. Вытащив окоченевшую лисицу, он положил ее на разделочную доску, чтобы снять шкуру. Заметив возле очага свежие деревянные щепки и следы неумелых попыток развести огонь, он сразу догадался, чем занимался малыш, пока его защитник лежал без чувств.

Закончив с мясом, мечник собрался растопить печь и вдруг заметил на полу возле дровяника кресало. На шершавом камне виднелись крошечные, едва заметные бурые пятнышки. Сунь Цинфэн вспомнил порезы на ладонях Цзинь Линьэра, и в его суровом сердце что-то дрогнуло.

Взъерошив пятерней волосы, он хмуро поглядел на спящего ребенка. Затем резким ударом высек искру, разжег угли в жаровне и пристроил ее поближе к кровати, чтобы тепло шло к мальчику.

— Похоже, я у тебя в долгу, мелкий, — негромко проворчал он себе под нос.

— Защитник Сунь, тебе уже лучше? — слышался сонный детский голос.

Ближе к вечеру Цзинь Линьэр открыл глаза. Как и в прошлый раз, первым, кого он увидел, был склонённый над ним Сунь Цинфэн. Но теперь мужчина не пытался швырнуть ему в лицо пригоршню снега, а бережно обтирал его ладошки влажной тканью.

Солнце клонилось к закату, пробиваясь сквозь плотные зимние тучи и окрашивая мир в мягкие, пастельно-багровые тона. Этот нежный свет, проникая через бумагу на окнах, ложился на лицо Сунь Цинфэна, сглаживая его резкие, угловатые черты. В этот миг грозный мечник казался на удивление статным и красивым.

Говорил он вполголоса, и этот тон невольно успокаивал, хотя сами слова по-прежнему звучали ворчливо:

— Ну что за глупый малец? Только глаза продрал — и сразу расспросы. На себя бы лучше посмотрел, чучело.

Вода в лохани успела немного согреться у печи, но все равно оставалась довольно прохладной. Цзинь Линьэр зябко поёжился. Лишившись родителей, он панически боялся, что этот суровый воин тоже оставит его, а потому проговорил очень тихо и несмело:

— Защитник Сунь... если зимой умываться холодной водой, можно сильно простудиться.

Сунь Цинфэн швырнул мокрую тряпку в таз и раздраженно фыркнул:

— А спать на ледяной земле, по-твоему, полезнее для здоровья?!

Взгляд мальчика мгновенно угас. Он опустил голову и едва слышно прошептал:

— Прости... я не хотел тебя обидеть. Просто... когда-то матушка лежала здесь больная. Она уснула на этой кровати и больше не проснулась. Я очень испугался, что если ты ляжешь туда, то тоже умрешь. А я не хочу, чтобы ты умирал...

— Ты!.. Да я... — Сунь Цинфэн поперхнулся словами. Злость мгновенно улетучилась, уступив место глухой растерянности. Спорить с сиротой было выше его сил.

Не говоря больше ни слова, он бесцеремонно стянул с мальчика грязные лохмотья и, подхватив за шиворот, перекинул на кровать.

Цзинь Линьэр отчаянно забил ногами по доскам:

— Не надо! Я не лягу на кровать, я не хочу умирать!

У Сунь Цинфэна голова шла кругом. Опершись коленом о край ложа, он обеими руками сжал пухлые щеки мальчишки, заглушая его крики, и заставил посмотреть себе в глаза.

— Слушай меня внимательно, малец. Пока я рядом, смерть к тебе не подступит. Понял?

— Понял... — выдавил Цзинь Линьэр. Внушительный тон воина подействовал мгновенно, прогнав остатки страха. Вот только из-за зажатых щек рот его остался приоткрыт, и капля слюны невольно сорвалась с губ прямо на ладонь Сунь Цинфэна.

Мечник замер, шумно втянув сквозь зубы воздух и из последних сил сдерживая новый приступ бешенства. Он брезгливо отпрянул назад, но не удержал равновесия и повалился на стоявший позади сундук. Деревянный ящик с грохотом перевернулся, замок распахнулся, и на пол лавиной хлынули старые одеяла и ворох одежды.

Сунь Цинфэн чертыхнулся, сгреб с пола первое попавшееся одеяло и швырнул его прямо на мальчишку.

— Закутайся как следует! Если простудишься, выхаживать тебя я не стану!

Понимая, что за грубостью скрывается искренняя забота, Цзинь Линьэр довольно заулыбался.

— Спасибо тебе, защитник Сунь.

От этого ласкового, доверчивого тона по спине сурового воина пробежали мурашки. Он сердито буркнул:

— Разговаривай нормально, нечего тут нежности разводить!

Оборвав себя на полуслове, мечник на мгновение задумался. Затем он медленно подошел к кровати, присел на корточки и легонько коснулся пальцем золотого знака между бровей мальчика.

— Твой отец был моим самым близким другом, — тихо, но твердо произнес он. — Он доверил мне твою жизнь. И я клянусь, что буду защищать тебя от любых невзгод, пока ты прочно не встанешь на ноги.

Мальчик послушно закивал, словно заправский болванчик.

— Я обещаю быть послушным и не доставлять хлопот! А когда вырасту большим и сильным, то сам стану заботиться о тебе!

Сунь Цинфэн лишь пренебрежительно хмыкнул, сочтя эти слова за детскую дерзость:

— Тоже мне, опекун выискался. Я что, калека немощный, чтобы за мной ухаживать?

Но Цзинь Линьэр серьезно покачал головой:

— Сейчас ты сильный, но время идет. Я вырасту, а ты постареешь.

— Не постарею, — внезапно помрачнел Сунь Цинфэн. — Я живу на этом свете уже больше двух веков.

Цзинь Линьэр ошарашенно смолк. В комнате повисла неловкая, давящая тишина. Испугавшись, что собеседник закроется в себе или прогонит его, мальчик попытался сгладить углы. Напустив на себя взрослый и понимающий вид, он примирительно протянул:

— Ладно-ладно. Конечно, все люди стареют и умирают, но раз ты говоришь, что с тобой этого не случится, то пускай будет так.

Сунь Цинфэн поперхнулся воздухом от такой снисходительности. Не найдя, что ответить на детскую мудрость, он неловко кашлянул в кулак и глухо добавил:

— И вообще... я никогда не воспитывал детей.

— Как же так? — искренне изумился Цзинь Линьэр. — За два-то века ни разу не был отцом?

Лицо воина вмиг залило густой краской. Он свирепо оскалился:

— А ну цыц! Еще одно слово — и я лично выброшу тебя за порог на съедение волкам!

Мальчишка испуганно зажал рот ладошками, но лукаво прищурился, выдавая безмолвный смех.

Видя это, Сунь Цинфэн рассердился еще сильнее:

— Да смейся уже, чего кривляешься? Смотри не лопни от натуги.

Мальчик звонко расхохотался, сверкнув щербатой улыбкой — на месте одного из передних

зубов у него только-только пробивался новый.

Поняв, что спорить с этим невозможным ребенком бесполезно, мечник лишь тяжело вздохнул, признавая поражение.

Покопавшись в углу, он извлек закопченный чугунок, наполнил его чистой водой и водрузил на жаровню, что грела воздух у окна.

Угли весело разгорелись, и вскоре вода в чугунке шумно закипела.

Сунь Цинфэн присел на корточки, мерно обмахивая угли старым веером. Почувствовав на себе взгляд, он обернулся к кровати. Цзинь Линьэр лежал поперек постели, подперев кулачками подбородок, и завороченно, с мягкой улыбкой наблюдал за каждым его движением.

Над чугуном поднимался густой пар, окутывая комнату полупрозрачной влажной дымкой. Глаза улыбающегося мальчика сияли первозданной чистотой, напоминая молодой месяц, укрывшийся за полупрозрачной вуалью облаков.

— Защитник Сунь, ты такой умелый, — лениво, растягивая слова, пропел он. — И огонь разжечь можешь, и воду вскипятить, и веером махать горазд.

Детский лепет звучал нелепо, но при виде этого хрупкого существа вся злость Сунь Цинфэна окончательно улетучилась, оставив лишь щемящее чувство жалости. Отложив веер, он опустился на край постели. Некоторое время он молча смотрел в сторону, а затем негромко заговорил, не глядя на мальчика:

— Послушай. Я скажу это лишь однажды, так что запоминай. Отец из меня никакой, и с детьми я дела иметь не привык. Но раз уж я дал слово оберегать тебя, то расшибусь в лепешку, а в обиду не дам. Нрав у меня скверный, так что если у тебя на душе скрести будут — говори прямо, не таи обид. Отныне мы связаны одной нитью. Я буду делить с тобой хлеб и кров как с боевым товарищем, и надеюсь, ты ответишь мне тем же.

Хоть мечник и утверждал, будто топчет эту землю уже больше двух веков, на вид ему нельзя было дать больше двадцати восьми лет. Высокий, статный, с гладко выбритым лицом, он сохранял юношескую свежесть и мужскую привлекательность. Жизнь никогда не обременяла его семейными заботами и бытовыми тяготами; сторонясь людей, он и сам в душе оставался во многом незрелым. Сейчас, оставшись один на один с сиротой, он чувствовал себя крайне неловко, напоминая скорее старшего брата, на которого внезапно свалилась забота о младшем. Не найдя иного выхода, он решил общаться с мальчиком так, как привык общаться с равными в бою.

Мальчик был не по годам сообразителен. Поняв, что защитник видит в нем равного, он почувствовал, как в груди рождается взрослое, непривычное чувство ответственности. О ребяческих капризах следовало забыть.

— Я буду во всем слушаться тебя.

И все же гибель Сюэ Линъюнь и Чжао Шо оставила в душе ребенка глубокую, кровоточащую рану. Преданный и покинутый всеми, он до дрожи боялся, что и этот человек однажды растворится в зимней ночи. Получив клятву верности, он все равно не удержался от жалобного вопроса:

— Защитник Сунь... ты ведь не бросишь меня, правда?

Сунь Цинфэн ничего не ответил. Подобрал с пола свежеснятую лисью шкурку, он молча направился к выходу. Уже у самого порога он бросил через плечо:

— Отныне наша смерть — одна на двоих. Сгинет один — не жить и другому.

<http://bllate.org/book/18425/1768324>